Аборигены снова заржали и погнали его дальше. Он не поспевал за их темпом и постоянно падал. В эти моменты коротышки ржали как кони. Они грозно кричали на него, злобно скалились, наносили болезненные уколы копьями. После этого его тело обзавелось царапинами, которые кровоточили и доставляли дополнительные неудобства.

В итоге аборигенам надоели его падения. Один из них врезал Жану по голове древком копья, отчего он рухнул на землю и поплыл. В голове помутнело. Он недавно и так заработал сотрясение мозга, а второй удар лишь усугубил последствия.

Коротышки связали пленника, соорудили волокушу и привязали его к ней. После этого двое из них впряглись в волокушу и довольно бодро потащили её. Когда первая пара устала, их сменили напарники. Так они и тащили по очереди землянина, а он боролся со слабостью и головокружением. Весь путь прошёл как в тумане. Деревья двоились и троились. Три раза его вывернуло наизнанку, и хорошо, что он успевал повернуть голову набок, а то мог бы захлебнуться. Хотя казалось, что и выворачивать нечем, ведь он довольно долго ничего не ел, о чём настойчиво напоминал желудок.

В свой лагерь дикари притащили пленника ближе к полудню. Близость их места обитания первым выдали ароматы помойки, причём в самом суровом её проявлении. Запахи испражнений перебивала вонь тухлятины. Кучками были навалены обглоданные кости, обрывки шкур и щепки.

В очередной раз, расставшись с содержимым желудка, Жан прохрипел:

- О выгребных ямах вы явно не слышали, - его поразило, что сами аборигены не морщатся, хотя его от этой вони коробило.

Хотелось оказаться от этого места подальше. Гадили и мусорили дикари под каждым кустом, о чём недвусмысленно намекали следы их грязных дел. Помимо этого в округе не осталось хвороста и торчали остатки от молодых деревьев, которые были вырублены на древки копий. Сами древки сушились в тенёчке.

Вторым признаком присутствия разумных стал дым, исходящий от костра. Возле огня сидел пожилой абориген в набедренной повязке и с накинутой на плечи серой шкурой неизвестного животного. Эта шкура знавала лучшие времена: вся истёртая, местами рваная, часть шерсти клоками повылезала, а амбре кислого пота резало глаза при приближении к этому деду.

С жилищами местные жители не заморачивались. В центре вытоптанной поляны построен единственный шалаш, технология изготовления которого недалеко отошла от последнего строения Жана. Ветки, палки, дёрн – вот и все материалы. Сделано всё тяп-ляп и не рухнуло только благодаря чуду. Внутри через проём шалаша на земле видны шкуры. Помещение небольшое, но судя по всему, спят там всем племенем, и то, скорее всего, только во время непогоды. В остальное время, как и сейчас, сидят на пеньках, шкурах или просто на земле.

Навстречу охотникам устремилось всё племя. До этого каждый был занят своим делом. Из тенька под раскидистым деревом, где сушились древки для копий, выбрался хромой мужчина с шрамом, который пересекал правую половину лица от лба до щеки. Он щурился на правый глаз и передвигался, опираясь на палку. Левая нога у него искривлена, словно при открытом переломе, который неправильно сросся. В иной момент юный Кац ему бы посочувствовал, но при виде на лице инвалида лишь хищного интереса всё человеколюбие куда-то испарилось. Так смотрят не на гостя, а на запеченную индейку.

Заголосили женщины… скорее всего. В их половой принадлежности Жан не был уверен. От

мужчин их отличало лишь хрупкое телосложение и небольшие бугорки на месте грудей. А так одеты они аналогично мужчинам.

Детвора в возрасте от двух до восьми лет сверкала голыми телесами. Тут уже различие полов было заметно: есть висюлька – парень; нет – девушка… наверное, но это не точно. Всё же Кац не считал себя знатоком размножения ксеносов.

Всего в племени он насчитал двадцать восемь особей. Из них шесть охотников, инвалид, дед, две сморщенные старухи с обвисшими ушами. Остальные женщины и дети примерно в одинаковой пропорции.

Заниматься любительской антропологией ему помешали радостные возгласы женщин. Те тыкали в него пальцами и смотрели с таким предвкушением, что не оставалось сомнений в каком качестве они его видят. А когда обрадованный дед стал подкидывать в огонь побольше дров, то и вовсе сомнения развеялись.

- Мамочки! – сглотнул Жан горькую и вязкую слюну. – Я же человек! Вы же не собираетесь меня съесть? Это же дикость! Так нельзя!

Его мнение никого не интересовало. Тот самый охотник, который его нашел, приближался к нему с ножом и стальным блеском в глазах. Откуда он взял нож – загадка с неизвестными данными. Но нож у него, что удивительно, был кремневый.

В голове Каца не укладывались факты. Как может такое быть, что на копьях отличного качества стальные наконечники, при этом используются кремневые ножи. Впрочем, размышлять над странностями металлообработки аборигенов стало недосуг. Он в патовом положении: связан и привязан к волокуше, со сломанной ногой, проломленной головой, израненный, с температурой и безоружный. А вокруг почти три десятка голодных дикарей.

Дети радостно визжали и облизывались, что не добавляло к ним тёплых чувств. Девушки принялись нарывать больших листьев, напоминающих пальмовые. Дедок активно ворошил угли и с предвкушением разглядывал пленника.

- А-А-А!

Округу огласил жуткий вопль землянина. Как оказалось, кремневым ножом при умении легко вскрывается грудина. То, с каким хладнокровием это проделал охотник, напугало Жана больше, чем тот момент, когда он узрел своё сердце в его руке. На этом глаза перестали демонстрировать картинку…

***

- А-а-а!

Жан распахнул глаза и прекратил вопить. Ему было плохо, но не настолько, как мгновение назад. Красное светило ознаменовало полдень, при этом он с удивлением обнаружил, что вокруг никого нет, тело не покрыто порезами, а на груди отсутствует страшный разрез. Сердце исправно гоняет кровь по венам, а не зажато в окровавленной руке дикаря. Более того, ни вони тухлятины, ни запаха дыма – ничего подобного нет и в помине. Зато присутствует пустынная земляная возвышенность, с которой начался его путь в этом мире.

- Странно, - разглядывал он свою левую ногу, - и шина пропала. – Он нахмурился. – И перелом не вправлен. И… - ощупал он себя. – Рубашка целая и на теле… Но я же умер, а теперь жив. Так не бывает. Неужели весь этот кошмар мне приснился?

Чем больше он размышлял, тем сильнее уверял себя в том, что это всего лишь был страшный сон.

Пришлось повторить всё сначала: вправление кости, наложение шины, изготовление заменителей костылей.

- Говорила мне мама не ходить налево, - поковылял он в сторону восточной тропы. Та оказалась на месте, что заставило парня насторожиться. – Вещий сон… Точно! Это был вещий сон. Предупреждение свыше. А я не верил в эту мистическую муть. Нет, точно налево не пойду. Восток наше всё!

Новая тропа почти не отличалась от той, что «приснилась» парню. Но он шагал быстрее. Во-первых, хотел оказаться подальше от лагеря местных пигмеев. Во-вторых, сэкономил силы на разведке территории. В-третьих, быстрее приспособился к палкам-ковылялкам и меньше спотыкался.

В пути он наткнулся на куст с красными ягодами размером с крыжовник. Присмотревшись, заметил, что некоторые ягоды поклёваны птицами, оттого решился их попробовать. Они оказались очень сладкими, напоминали на вкус малину скрещенную со смородиной. Он долго не мог оторваться от куста. Когда понял, что наелся, то продолжил собирать ягоды в расколотую фляжку.

После ягод сильно захотелось пить. К счастью, тропа через час вывела его к ручью, из которого удалось вдоволь напиться. Жан жалел о поломанной фляге. С одной стороны она всё равно продолжает ему служить, с другой же, было бы лучше наполнить её водой. С горечью на душе он продолжил путь, но не прошёл и десяти метров, как из-за деревьев показался отряд.

На встреченных до этого дикарей эти парни совсем не походили. Высокие, крепкие и у каждого по короткому мечу, закреплённому в ножнах на поясе. Поверх туник по колено у них надеты однотипные серебристые нагрудники. За спинами видны щиты, висящие на перекрещенных ремнях. На ногах деревянные сандалии. На головах серебристые шлемы. Купол шлема полусферической формы, козырёк в виде пластины, закреплённой несколько выше нижнего края шлема, характерный широкий назатыльник и подвижные нащёчники – прямо-таки копия шлема римского легионера. Но основное их отличие от коротышек не унифицированная форма, обилие металла и чистота белоснежной кожи. У них, как и людей, имелись волосы на голове, из-под которых торчали заострённые кончики ушей.

- Эльфы?! – встал он как вкопанный и приоткрыл рот от изумления.

Если бы не уши, он бы принял их за римских легионеров. Только тех изображали в красных туниках, а эти щеголяли в зелёных. У идущего впереди эльфа спереди на нагруднике изображено белое дерево с густой зелёной кроной.

Воины самоуверенно, словно чувствовали себя хозяевами положения, двигались в его сторону. Они даже оружия не доставали.

«Это какие-то неправильные эльфы, - подумал он, оставаясь неподвижно на месте. Деваться некуда – сбежать он не может, оружием не обзавёлся. - Без луков, в доспехах и не заморыши, как их описывают фантасты. Крепко сбитые мужики с взглядами матёрых убийц – типичные

легионеры. А главный у них наверняка тот, который с деревом на нагруднике. Мелорн, что ли намалёван?»

http://tl.rulate.ru/book/86340/2757851